

СЕРГЕЙ НИКОЛЬСКИЙ*

СОВЕТСКОЕ И СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК. ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПОНИМАНИЮ**

Аннотация: Феномены «советское» и «новый советский человек» не являются исторической случайностью или исключительным продуктом марксистской доктрины. Их уникальное бытие в СССР требует выхода за узкие хронологические рамки 1917–1991 гг. В статье утверждается, что советский строй возник на специфической почве России и стал закономерным воплощением глубинных, многовековых констант отечественного исторического развития (имперскости, самодержавия, слияния власти и собственности, сервильности института церкви и сформированной веками природы российского народа), преобразованных в соответствии с лозунгами модернизационного рывка. В своей истории советский строй последовательно и целеустремленно культивировал покорность как активную идейную готовность или согласную вынужденную практическую реакцию русского, российского, советского человека, добиваясь, чтобы она сделалась его фундаментальным позитивным свойством — готовностью во всем руководствоваться властной волей. Оценка советского общества и «нового советского человека» не может быть принята как «историческая необходимость» или «общезначимая справедливость».

Ключевые слова: советское, новый советский человек, общество, сталинизм, партия, политическая полиция, «лишенец», «враг народа», «чистка», паспортизация, историософия, история, философия, литература.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-343-375.

ВВЕДЕНИЕ

Часы коммунизма — свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами.

А. Солженицын,

Как нам обустроить Россию? Посильные соображения

Дату прекращения существования СССР принято считать официальным концом советского вообще — как периода исторического развития

*Никольский Сергей Анатольевич, д. филос. н., главный научный сотрудник, сектор философии культуры Института философии РАН (Москва), s-nickolsky@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2202-2043.

**© Никольский, С. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Текст представляет собой углубленный, расширенный и критически проработанный вариант идей, изложенных в трех книгах автора: «Советское. Идея и практика», «Советское. Философско-литературный анализ», «Советское. Новый человек» (Никольский, 2023; 2024; 2025).

страны, государства, типа общества, строя, образа жизни, культуры и прочих масштабных феноменов, имеющих предикат «советское». Иногда даже говорят о кончине «советского человека», уничижительно именуя его «совком».

Такая точка зрения ошибочна. Она отождествляет советское с событием, но не возвышается до понимания советского как процесса, тем более — *процесса, в истории страны закономерного*. Дата события не означает прекращения процесса, его диалектического преодоления — удержания его отдельных моментов, имеющих шанс перехода в новое качество. Почему же именно дате иногда приписывается такая значимость?

Думаю, здесь нужно вспомнить о характере и внешнем антураже состоявшегося в реалиях Беловежской пушчи «разрыва времен». Он был спонтанным и насильственным; напротив, как проект, он не был фундаментально осмысленным в своих сущностных чертах и последствиях. Его приятие сопровождалось привычным народным равнодушием к действиям власти и не было чем-то необычным. На протяжении столетий, в особенности в советскую эпоху, «всенародные решения» воплощались в жизнь именно таким образом.

Феномены «советское» и «советский человек» огромны по своему содержанию, и потому сразу «охватить» их целостным «пониманием и сочувственным постижением» (С. Франк) невозможно, и для отдельного исследователя результат понимания возможен лишь в научно-популярном жанре. Охватить десятки тысяч источников немыслимо. Также нельзя в рамках одного философско-научного опыта дать представление о негативном и позитивном содержании феноменов. По этой причине в моей статье основное внимание уделено главным образом их негативно-му содержанию. Подчеркиваю: негативное — не единственное, феномен исчерпывающее. Но с него я считаю правильным начать исследование.

СОВЕТСКОЕ И СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАК ИСТОРИОСОФСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же.

В. Ключевский об Иване IV Грозном

Феномен «советское» и его ядро — «новый советский человек» — не являются исторической случайностью или исключительным продуктом марксистской доктрины. Их понимание *требует выхода за узкие хронологические рамки 1917–1991 гг.* Советский строй мог возникнуть

и возник на специфической почве России, стал закономерным воплощением *глубинных, многовековых констант отечественного развития (имперскости, самодержавия, слияния власти и собственности, сервильности института церкви и сформированной веками природы российского народа)*, модифицированных в соответствии с лозунгами модернизационного рывка.

Научно обоснованного, то есть рационального и доказательного ответа на вопрос о «дальнозорком зрении» субъекта в понимании советского все еще нет, и неясно, возможен ли он. В общей форме можно заключить, что становление человеческой природы как превращение задатков способностей и потребностей в развитые способности и потребности — превращение «природных сущностных сил» в «очеловеченные сущностные силы» (Маркс, 1974: 121) — происходит не только в процессе практического освоения мира индивидами и группами, но и как неотслеживаемая опытом реализация людьми биосоциальных по своей природе задатков, полученных из прошлого. В нашем «колодеце времени» накоплено множество социальных артефактов, образов, образцов, смыслов и ценностей, которые, очевидно, имеют генетические основы, проникают в нашу психику через язык, чувственные образы, установки и поведенческие стереотипы и в итоге формируют, например, реакцию покорности внешнему давлению.

Общая форма живучести этого механизма состоит в вековом отечественном *небрежении «работой покаяния и преодоления»*, в отсутствии такого работающего социального механизма. В православии он описан ступенями исихазма: *умоперемена* — осмысление, рационализация, критика и замещение позитивом; *обращение* — осознанное изменение сознания и поведения каждым индивидом, который должен обрести новое качество; *покаяние* — беспощадная нелицеприятная критика, оценка и самооценка прошлого опыта и осмысленное раскаяние в содеянном, а в итоге *преодоление*. В конечном счете на основе опыта преодоления должно состояться укоренение того, что блаженный Августин именoval «присущим всякому живому существу стремлением к полноте и сохранности жизни» (Августин, Сергеенко, 2005: 14).

Необходимость взгляда в «колодець времени» и «работы преодоления» для многих мыслителей очевидна.

Никакой субъект ничего никогда не схватит (не сумеет увидеть, проанализировать и понять. — С. Н.), если раньше того не захвачен, не занят чем-то (не наполнен историей, не имеет внутри себя понимания. — С. Н.), чему *не он*

велел захватить и занять его (то есть имеется нечто глубинное, несознаваемое и скрытое в нем самом. — С. Н.) (Бибихин, 2012: 46).

Понять действия субъекта и его продукт мы не сможем, если в первую очередь не выясним, что собой представляет этот субъект сам по себе, чем он изначально содержательно наполнен, к чему расположен, в чем способен воплотиться, что может создать и, следовательно, выступить звеном в связи времен, — и напротив, выяснить, чем субъект не может наполниться, к чему не умеет расположиться, во что не способен воплотиться, как и не способен нечто создать.

Иногда об этом говорят как о природе субъекта; в данном случае, в ближайшей от нас перспективе, — о том, в каком своем состоянии и качестве российский социум оказался в *затяжной большевиками общественной смуте лета — осени 1917 г. и последовавшем октябрьском перевороте*. Иными словами, научимся, как формулировал В. Бибихин, «жить разумно в нашей реальности, в нашей данности [...] не для того, чтобы расцарапывать свое несчастье еще болезненнее, а чтобы *вернуться по нашим же забытым нами следам к нам самим*» (там же: 41; выделено мной. — С. Н.).

Но чем иным может быть нечто «вошедшее в наше существование», если не тем, что связано с привычными, в том числе глубинными сюжетами памяти, всплывающими в сознании понятиями и образами, с привычными организационными структурами бытия и историческими формами поведения, в отношении которых мы можем сказать, что они генерируются (оживляются и воспроизводятся) воспитанием и последующей синергией как внутри поколений, так и во взаимодействии между ними?

Обращаясь к «предначалу», следует отметить, что *интуитивно-рациональный исторический анализ*, ведущий нас к пониманию, в том числе и советского, имеет отношение к реальным *природно-географическим, социально-культурным и политическим особенностям прошлого бытия индивидов и социальных групп внутри отечественного социума*.

Предначало современного социума глубоко. Оно ведет отсчет как от момента территориального размещения на северо-восточной окраине материка Евразия, так и от общественного бытия после падения Византии и в вековых оковах татаро-монгольского ига, затем крепостного права, а также в последующей его реализации в Российской империи. Так, первичное освоение земель для нужд сельского хозяйства в лесной зоне предполагало подсечно-огневой способ земледелия. Эффективно

выполнять работу по корчевке деревьев и расчистке места можно было лишь коллективно, в составе родовых общин, периодически, по мере истощения почвы, кочевавших на новые земли. Согласованные действия и взаимная помощь в этих условиях были неизбежны.

Что до принятия эстафеты от Византии («третий Рим»), то оно происходило, в частности, через усвоение теории и практик самодержавия при игнорировании сути византийского общественного устройства — фундаментальной роли права и развитого правосознания граждан, равно как и значимой роли культуры. Не случайно после падения Константинополя почти все охваченное культурой и производящее культуру население эмигрировало в Италию, а не в полукрепостную самодержавную Московию.

Существование Руси в условиях «степной оккупации» продолжило выработку всеобъемлющих доминирующих отношений покорности между общественным «верхом» и «низом». В этом русские даже превосходили своих поработителей. Так, у степной цивилизации централизованное управление сопровождалось элементами военной демократии, справедливым распределением добычи, включая семьи погибших, а в отношениях между членами сообщества не существовало рабства. У россиян военной демократии не было, а зачатки рабства присутствовали изначально, породив в конце концов государственную крепостную систему. По этим причинам, если говорить о «духе и теле» российского социума, ставшего в свое время советским, то вряд ли было бы верно не учитывать названные факторы (подробнее см.: Никольский, 2018; 2023).

Позднее, после избавления от ига, начиная с Ивана III и в особенности при Иване IV Грозном, страна прочно встала на дорогу, которая в отечественной науке получила название «исторической колеи»; пытаясь отразить сущность процесса, я именую это *темпоральными константами развития российского общественного бытия и общественного сознания*. Константы эти — неизменность существования страны в форме империи (имперскости), самодержавного правления всех уровней (самодержавности), слияния власти и собственности (механизма «собственности/бессобственности»), сервильность института православной церкви в отношениях со светской властью, а также малая историческая вариативность (незначительность изменений) природы народа. Последний в своем бытии перемежал постоянно доминирующую черту — покорность власти — с редкими антицарскими бунтами (подробнее см.: Никольский, 2018; 2023).

Параллельно с предуготовленностью к советскому «русской почвы» нужно иметь в виду и *насильственно-террористический характер предпринимаемых революционерами попыток общественных преобразований*, утвердившийся в качестве главного практического метода в российской социал-демократии вообще и в большевизме в частности¹. Малая толика просвещения при доминировании чистого насилия — вот то, на что всегда и прежде всего впоследствии делали ставку вожди Октября. Само собой, это до сих пор малопризнаваемый факт отечественной исторической науки. Она все больше повествует о якобы имевшей место вызревшей самоорганизации сознательных пролетарских масс наряду с высокоэффективной просветительской и организационной ролью большевиков и предпочитает говорить о насилии как о всего лишь ответе на контрреволюционное насилие².

Вопрос о миновании капитализма или, иными словами, о «скачке через формацию» (хотя тогда такие термины и не употреблялись), был центральным и в известном споре Ленина с Плехановым, который, как известно, утверждал, что России вслед за буржуазно-демократической революцией предстоит длительный период капиталистического развития, в то время как Ленин выступал за немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Для этого была изобретена и успешно реализована идея создания специального субъекта перманентного исторического транзита — *когорты профессиональных революционеров*. При этом оба полемиста имели возможность апеллировать к идеям Маркса и Энгельса, — выдвигавшимся классиками, впрочем, в разные времена.

Так, первоначально они исходили из того, что присущий русской общине коллективизм подобен будущему коллективизму коммунистического толка, и потому у России имеется «уникальный исторический шанс» не допустить ужасов первоначального капитализма и «перешагнуть» из помещичье-самодержавной эпохи (феодализма в западном понимании в России, как известно, не было) в коммунистическую при том абстрактном допущении, что до этого на Западе произойдет победоносная революция и иностранный пролетариат окажет помощь пролетариату российскому (Энгельс, 1961: 545–546). Вместе с тем, глубже

¹Масштаб российского революционного террора в начале XX в. достигал двух тысяч ежегодных смертельных покушений на правительственных чиновников. При этом его обуздание Столыпиным посредством военных мер тут же вызвало лицемерную истерию о «стольпинских галстуках».

²Из недавних сошлось, например, на книгу известного историка: Логинов, 2017.

вникнув в социально-экономическую ситуацию в России, свою итоговую позицию Энгельс изменил. От признания за русской коллективистской общиной «коммунистической природы» он отказался в январе 1894 г., то есть за полтора года до смерти, назвав общину «отмирающей формой владения», которую мы находим у всех народов на ранней ступени развития и которую обычно именуют «первобытным коммунизмом» (Энгельс, 1962: 438)³. При этом он высказался еще жестче: «...нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождает из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения» (там же: 444). Итак, России предстоял капиталистический этап развития, продолжение ее последовательной эволюции и органического естественно-исторического существования в рамках нового приходящего строя, наступавшего после буржуазно-демократической революции. Эту позицию и отстаивал Плеханов.

Вместе с тем ранее Энгельс также дал основание и идее «скачка» — будущему ленинскому революционному перевороту, хотя бы даже и посредством заговора. Отвечая на письмо В. Засулич, он допустил, что страна подобна «заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта. (Энгельс имеет в виду убийство Александра II 1 (13) марта 1881 г. — *Ред.*) Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию» (Энгельс, 1951: 310). В этом случае — при революционном хаосе и волевом направлении в одно русло разнонаправленных движений масс — возможно все, в том числе и «скачок» в коммунизм. И это была позиция, которую с энтузиазмом защищал Ленин.

В этих двух вариантах исторического развития главным вопросом был намечающийся глобальный исторический тренд. В случае Плеханова — *продолжение исторического времени* посредством преобразования, то есть развитие зачатков российского капитализма с республиканской формой правления, провозглашением которого и должно было завершиться Учредительное собрание, а также демократия и становление гражданского общества. В случае Ленина стране неминуемо назначался *разрыв времен* с неизбежной диктатурой и устранением всего, не отвечающего проекту нового строя. Этот путь с необходимостью

³Подробное изложение эволюции взглядов Маркса и Энгельса на русскую крестьянскую общину в рамках исторических дискуссий см., например, в статье известного японского историка Харуки Вада: Вада, 2018.

предопределял репрессии «отживших» общественных элементов и создание нового субъекта истории⁴, ранее в истории самостоятельно не возникавшего. И

хотя в России победили ленинцы, большевики, история практически доказала, что правда была на стороне Плеханова и его сторонников, меньшевиков, которые, осознавая необходимость буржуазно-демократической революции в России, стремились к максимальному расширению демократии и считали принципиально несостоятельной авантюристическую большевистскую установку на осуществление социалистической революции (Ойзерман, 2014: 370).

Многолетними усилиями Ленин поставил-таки страну на путь изобретенного им «видоизменения обычного исторического порядка». Ярко этот момент выражен в полемике с Н. Сухановым:

Для социализма, — говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны? (Ленин, 1970: 381).

В приведенном тезисе видно, как Ленин лукавит, подменяя наличным негативным явлением («уничтожение помещиков и капиталистов») отсутствующее позитивное — действительную цивилизованность общества (его уровень культурности, который реально был крайне низким⁵). Более того: *неизбежный при диктаторе большевиков послеоктябрьский террор и тотальная повязанность всех и вся кровью позднее также выдаются стратегом Лениным за состоявшийся «уровень цивилизованности»*.

Рассмотрение феномена советского невозможно без опоры на историческое знание. Однако в отношении его теперешнего состояния нужно признать свойственную части историков позицию — *сознательное камуфлирование советского*. Недавний срок краха СССР и сопровождавшие его интерпретации в тогдашней провластной и сервильной исторической науке, на мой взгляд, в существенной мере определяют позиции и некоторых ныне работающих специалистов. Этому способствует и то,

⁴О двух исторических ступенях репрессий — сперва «лишенцев», а впоследствии «врагов народа», а также о «прочих» Андрея Платонова — исходном материале для «новых людей» — см.: Никольский, 2025.

⁵Так, например, уровень грамотности среди взрослых в это время в стране не превышал 3–5%.

что открытие документов о советском периоде, состоявшееся с начала 1990-х гг., совершилось не в полной мере. Насколько мне известно, по-прежнему закрыты, например, документы о подавлении крестьянских выступлений против коллективизации войсками ОГПУ и отчасти Красной армии. И хотя признано, что в начале 1930-х гг. в условиях голода ежегодно число восставших доходило до миллиона человек, тем не менее, поскольку открытых документов нет, то их отсутствие у «дисциплинированных» историков академического протеста, как правило, не вызывает. Напротив, они послушно работают в рамках методологической догмы: *Есть документ — есть событие, нет документа — события нет.*

Позиция «покорного молчания» с целью исключительного «обеления» феномена «советское» доминирует и в вопросе о роли большевистского вождя и революционных масс в период лета — осени 1917 г. Так, например, в Петрограде при цифре 2 млн 400 тыс. населения в 1917 г. до двух третей составляла *склонная к иррациональному хаотическому и разрушительному поведению «масса-толпа»* (Г. Лебон и др.). Именно ей как движущей силой переворота и воспользовались большевики.

Тем не менее позиция, подразумевающая доминирование в революции хаоса и роль большевиков как захватчиков-манипуляторов, в современной исторической науке считается маргинальной, и этот ярлык навешивается на работы российского историка В. П. Булдакова. В их основе лежит следующая идея: *революционный хаос и революционные действия масс являются следствием раскрытия варварского человеческого естества.* Возникающая из хаоса энергия масс-толп в реальности была результатом разрушения в мировой войне механизмов контролируемого насилия и хаоса. Показывая «психосоциальную ткань революции», Булдаков делает следующее методологическое заявление:

История не феноменологична, а мифологична. Слух, предрассудок, ложное представление в ней важнее реального факта, ибо любое событие остается в веках посредством коллективной памяти, которая и «пишет» историю — обычно вкривь и вкось. Приходится исходить из того, что реальность и вымысел составляют неразрывную ткань исторического бытия. [...] Массы захвачены эмоциями иррационального разрушения и дозволенного бесконтрольного насилия (Булдаков, 2012: 7).

В приведенном высказывании ученого центральным является слово «захват». По поводу этого термина у методолога В. Биbihина находим:

Слово захват в истории русского языка не зря указывает на хитрость, хищение, восхищение. [...] Что оказывается захватывающим? На этот вопрос мешает ответить сама захваченность. Она не только не спешит себя проявить, а наоборот, ее суть, неуловимость хитрости и хищения, выкрадывает захват и захваченность из явности, очевидности. Главная захваченность бывает всегда украдкой. С хитростью, хищением, восхищением, украдкой, тайной мы сталкиваемся, точнее сказать, вязнем в них во всякой и нашей и не нашей захваченности. [...] Совсем не случайно самое заветное, скрытное, хранимое и хранящее в нашем государстве называлось или называется «органами» (Бибихин, 2012: 45–47).

Когда же власть была захвачена, для обуздания тотального хаоса большевикам не оставалось иного, как установить диктатуру, насильем превзошедшую царскую власть. С этого момента в стране вновь в полной мере обретает силу ранее «расшатанная» царским отречением и революцией все та же группа констант общественного бытия и сознания. Это хорошо видно по смене политических лозунгов. На смену «Мир народам!», «Долой самодержавие!», «Власть советам!», «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!» приходят: «Ура мировой революции!», «Даешь всемирный СССР!», «Да здравствует социалистическое земледелие!». Из чего следовало, что для укрепления страны в качестве форпоста будущей мировой революции Россия должна снова стать империей, хотя и советской. А далее включается неумолимая логика: удержать форпост в целости способна лишь партия — диктатор-самодержец (в перспективе — лидер-самодержец), как и раньше, использующий механизм властвования посредством наделения и лишения собственности — в том числе собственности человека на самого себя. Православная церковь как институт отодвигается в сторону, а народ в своей покорности вновь оказывается под пятой власти. В таком виде с некоторыми смягчающими коррекциями советское существует до конца СССР.

В этой связи, говоря далее о ленинизме, а потом сталинизме, следует проанализировать политический замысел В. Ленина «перевернуть Россию». В «чистом виде» ленинская теория и практика «военного коммунизма», «недокапитализма НЭПа» и наследующая им сталинская реинкарнация ко времени брежневского «застоя» и в последующие годы до прихода к власти М. Горбачева в полной мере исчерпали себя.

Актуален вопрос: в какой мере советское в ленинско-сталинской интерпретации может быть оправдано в связи с идеей о наличии в нем исторической «справедливости»? Это предмет споров. В конечном счете он выливается в *оценку советского общества и «нового советского*

человека», которая, с точки зрения критиков сталинизма, ни в коей мере не может быть обозначена как «историческая необходимость» или «общезначимая справедливость». В том числе она не может быть компенсирована тем благом, которое получил «новый советский человек», поскольку за это было заплачено миллионами сломанных или даже уничтоженных жизней одних людей ради других. Так, например, насильственная коллективизация не может быть оправдана успешной индустриализацией⁶.

Одним из первых в отечественной философии истории к этой теме подошел М. Я. Гефтер:

Недавно, в третьем номере журнала «Источник» за этот год (1994), напечатана речь Сталина на военном совете после уничтожения Тухачевского и других полководцев. Страшная речь, но очень важная. У Сталина там примечательнейшая по откровенности и точности фраза: наша сила — *люди без имени!* Те новые люди, что пришли во власть после Октября, были с громкими именами, но теперь пришла пора *других новых* — тех, кто без имени. Их множество, и они наша сила (Павловский и Гефтер, 2017: 18).

Приведенные тезисы важны для моей авторской позиции в отношении феномена «советское» и «советского человека» в историософском, историческом и литературно-художественном планах. В соответствии с ними, *советское, при признании ряда его достижений, я рассматриваю как уникальный в истории эксперимент, ставший причиной тяжелой болезни и торможения в развитии (если не частичной деградации) нового общественного уклада.*

Феномен «советское» включал в себя и позитивное начало, иначе не было бы столь жарких споров по поводу его содержания. К таковым относится, например, создание материальных условий для развития и энтузиазма «нового человека» и побочный продукт гонки вооружений — мирное освоение космоса. Позитивное советское проистекало из заложенного в марксистской антропологии гуманистического начала. Ее вершиной был высказанный еще в «Парижских рукописях» (Маркс, 1974) главный принцип коммунизма: «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». В российских реалиях и в ленинской интерпретации это означало, что после уничтожения людей

⁶Вопрос о квалификации и оценке сталинской коллективизации в реальности до сих пор не поставлен. На практике признан лишь исторический факт: в соответствии с выводами созданной Государственной думой комиссии, признана гибель семи миллионов жертв коллективизации (см. Постановление ГД ФС РФ от 02.04.2008..., 2008).

«старого мира» для «нового советского человека» открывались возможности просвещения, многообразной деятельности, здоровой жизни. И в отношении «нового человека» это и начало реализоваться в форме определенной практики — конечно, в рамках санкционированных властью возможностей, контролируемых партией и политической полицией.

«ПОЧВА» СОВЕТСКОГО:
ТЕМПОРАЛЬНЫЕ КОНСТАНТЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Не забыть составить 25-летний перспективный план народного хозяйства — осталось 2 дня.

А. П. Платонов, *Город Градов*

Что именно, с точки зрения сталинистов, должно признаваться нами справедливым и, значит, уважаться, кроме главных утверждений — «Сталин провел форсированную индустриализацию» и «Сталин выиграл войну»? Исторический отсчет «достижений» сталинисты, как известно, начинают именно с этих сюжетов, будто и не было периода репрессий против однопартийцев, «лишенцев», а потом и «врагов народа» в 1920-е и 1930-е гг., будто не существовало рукотворной трагедии коллективизации. А тезис о выигранной войне не допускает коррекции в связи с репрессиями в отношении 36 тысяч представителей высшего командного состава Красной армии в 1937–1938 гг. и провального личного сталинского руководства в первый (до Сталинграда) год войны.

Все время своего исторического существования *советский строй последовательно и целеустремленно культивировал покорность как активную идейную готовность или согласную вынужденную приспособительную реакцию русского, российского, советского человека, добиваясь, чтобы она сделалась его фундаментальным позитивным свойством — вневременной готовностью во всем руководствоваться властной волей*. Именно поэтому данному свойству следует уделить особое внимание.

В рассмотрении покорности как свойства, важного для понимания советского, я не оригинален. Значительно раньше меня в общей форме к этой теме обратился, например, А. А. Зиновьев, определявший в своих социологических романах советское общество следующим образом: «это — общество хамелеонов, само в целом являющееся гигантским хамелеоном» (Зиновьев, 1982: 73).

Изначально *приспособляемость, покорность и близкое к покорности свойство согласия (согласованности) в людском сосуществовании* —

это общечеловеческие, глубокие, сформированные природой и историей сознание и чувства, а также опробованные в истории традиционные практики, нормы поведения и обычаи, определяющие действия индивида и социальных групп в социуме, во внешней естественной и искусственной среде. Покорность и согласованность формируются и проявляют себя в особом индивидуальном поведении, в образе жизни, в организации связей внутри социума, в общественной практике и в повседневной семейно-бытовой рутине, а также в форме правления и государственного устройства; они представляют собой фактор, влияющий на общее состояние общественных отношений и, наконец, довлеющее чувство и строй мыслей в поведении некоторых социальных общностей и отдельных индивидов. Вместе с тем покорность и согласованность — иногда оправданный, а в некоторых случаях и единственный способ выживания. Поэтому они не могут однозначно негативно оцениваться и тем более легкомысленно осуждаться.

Следование покорности и согласованности не является родовой характеристикой исключительно русского или советского человека и общества. Примерами подобного рода полна история европейских и других стран. Что касается отечественного социума, то ни общество, ни отдельный человек в своей массе не имели возможности высвободиться ни из дооктябрьского самодержавно-крепостного, ни из советского состояния, генерирующего властную покорность, одновременно стремясь превратить ее в тотальную, согласную с властью готовность всегда с энтузиазмом следовать начальственной воле.

Однако, кроме покорности, *русский народ в своей истории неоднократно являл и осознанную героическую активность — как в защите от внешних врагов, так и в сопротивлении своим властителям.* К тому же добровольное приятие покорности и согласованности было уделом лишь части народа. Но для другой его части, вынужденно принимавшей эту покорность и лишь имитировавшей согласие, а по возможности увиливавшей от властной воли, таковое состояние сопровождалось терпением, свойственным русским. Оно было вынужденным, поскольку в стране не сложились условия для освобождения от самодержавной власти, прежде всего, не созрели развитые отношения собственности, включая право людей на самих себя и сопутствующие собственности правовые отношения. К началу XX столетия в России только начали формироваться независимые системы права и правоприменения, гарантирующие личные права и свободы граждан.

В силу неразвитости капиталистических отношений в стране не было гражданского общества: его зачатки — политические партии, земство, кооперация, едва сложившись в начале XX столетия, были сразу же уничтожены большевиками после Октября⁷.

Большевики сделали ставку на развитие покорности и готовности к согласию — как русского, так и нерусского человека — и не прогадали. *Начатое Лениным активное культивирование этих человеческих качеств было продолжено Сталиным. Оба правителя возникли как явление органичное и естественное на благодатной общероссийской почве насилия. На этой почве распространено было подавление личного — коллективным, инородного — однородным, слабого — сильным, умного — идиотическим, оригинального — банальным, свободного — закрепощенным. Четко сознавая главное свойство российского общества в отношении с любой властью, Сталин верно учуял покорность как удобное свойство, приспособительное по отношению к большевистскому самодержавию, как и к суровой природе. В постоянной на протяжении всей истории отечества политике власти — манипулировании «кнутом и пряником» — он верно угадал безропотную готовность части россиян быть послушными и покорными, лишь изредка иррационально бросающимися в бунт.*

Вместе с тем, что придает проблеме еще большую глубину, нужно признать, что отечественная власть во всех отношениях была поистине народной⁸. Несвободный, как правило, мечтал стать господином, то есть при сохранении системы речь шла лишь о перемене мест составляющих ее элементов.

Покорность как согласованность жизни с природной средой и с помещичьим социумом впервые в художественном плане была подробно исследована И. С. Тургеневым в «Записках охотника» (1847) — своего рода первой «энциклопедии русского мировоззрения» (Никольский

⁷Упоминая кооперацию, советские «историки-фактовики» обычно делают акцент на так называемом ленинском кооперативном плане в последние месяцы его жизни. При этом лукаво «не замечается», что сразу после Октября большевики начали борьбу против имевшей в России кооперации, в то время одной из самых сильных в мире.

⁸Так, например, если говорить о количественных параметрах народности большевизма, то при том, что в сталинских лагерях в среднем в год пребывало порядка двух миллионов заключенных, численность их охраны составляла до 400 тысяч. Также в числе оценок сталинизма со стороны писателей широко распространен вопрос Сергея Довлатова: «Мы без конца проклинали товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить — кто написал четыре миллиона доносов?» (Довлатов, 1991: 56).

и Филимонов, 2008). Тему социальной покорности продолжил и наблюдавший крестьянина в солдатской шинели Л. Н. Толстой, например, в цикле рассказов о Кавказской войне. Речь, например, о рассказе «Рубка леса». Его первоначальное название «Дневник кавказского офицера» (1855) подчеркивает важность текста в качестве документального исторического свидетельства. Повествование ведется от имени юнкера — командира взвода, что гарантирует глубокое знание предмета рассказчиком — он командует всего тридцатью солдатами. Юнкер как младший офицер не чужд социологическим наблюдениям, на что влияет и его боевой опыт. Он обобщает:

В России есть три преобладающие типа солдат, под которые подходят солдаты всех войск: кавказских, армейских, гвардейских, пехотных, кавалерийских, артиллерийских и т. д. [...] Чаше других встречающийся тип, — тип более всего милый, симпатичный и большей частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле Божьей, — есть тип покорного вообще (Толстой, 1979: 53).

В наблюдениях Тургенева и в классификации Толстого обнаруживается подтверждение наличия исторического фундамента в виде покорности и согласованности с властью как разлитых в истории отличительных черт будущего советского человека и указывается на родовое свойство этих качеств.

Культивируемая государством покорность исключала поведение иного рода или анализ себя самой. По этой причине авторы, похожие на Андрея Платонова с его «Котлованом», «Чевенгуром», «Ювенильным морем» и иными антисоветскими произведениями, были запрещены, их тексты не публиковались, а сам автор, подобно Анне Ахматовой и Михаилу Зощенко, подвергался травле и преследованиям. В этом же контексте нужно сказать о сосланном Иосифе Бродском, а также об уничтоженных, например об Осипе Мандельштаме.

Между тем при справедливости всего сказанного нужно отметить следующее: *покорность и согласованность населения СССР с властью большевиков не была результатом пассивного приятия, капитуляции перед новым «нашествием», хотя и возникшим, в отличие от внешних завоевателей, не извне, а изнутри общества в форме господства его одной части — активной и аморальной — над остальными, склонными к морали и покорности. Окончательное укоренение покорности в российском народе произошло в результате коллективизации — второй Гражданской войны власти с крестьянством, составившим три*

четверти тогдашнего населения страны. Вследствие коллективизации народ сделался покорным и согласным в результате поражения — радикального разрушения сколько-нибудь приемлемых условий своего бытия, рукотворного голода и смерти.

В условиях продолжающегося замалчивания полной истории коллективизации у современника может создаться впечатление покорного поведения крестьян, возводимых на большевистскую плаху. Это далеко не так. В разной форме и на пределе возможного боролись крестьяне, меченые ярлыками «кулак» и «эксплуататор»; восставало, уходило за кордон⁹ или гибло обреченное на большевистский «культурный прогресс» население «национальных окраин». *Они были уничтожены или покорены в сражении и потому навсегда остались героями*¹⁰.

К 1930-м гг. общество было спеленуто в однородный рабоче-крестьянский человеческий ком и оставлено один на один с большевистской партией и ее верхушкой, отколовшейся от народа и превратившейся вместе с политической полицией в отдельную силу¹¹. Армия же, сориентированная лишь на защиту от внешней агрессии, объективно не имела ясно осознанных оснований для того, чтобы двинуться на поддержку какого-либо антибольшевистского мятежа. Пропущенное через годы Гражданской войны общество, к этому времени уже в существенной степени состоящее из лишенных памяти «новых людей», единственную возможность самосохранения в этом неустойчивом и опасном положении видело лишь в одном варианте — исторической слепоте и консолидации со всесильной властью. Прав А. А. Зиновьев, заявлявший по этому поводу: в СССР «не власть создается для народа, а народ создается как материал для функционирования власти» (Зиновьев, 1982: 78).

К сказанному следует добавить еще один важный для самосознания и самоопределения современной личности фактор — *вольное или невольное участие значительных народных масс в главном событии периода*

⁹Только в Казахстане до миллиона крестьян-скотоводов ушло от новой власти в соседние Китай, Афганистан и Персию или сделалось «кочующими» — вечно убегающими от большевиков аулами.

¹⁰Возможно, одним из первых о реальной трагедии коллективизации задолго до деревенской прозы — и тем более до вполне академически скромных исследований советских историков — в 1963 г. написал Василий Гроссман в конфискованном КГБ литературно-художественном эссе «Все течет» (Ленин, 1970).

¹¹Одним из немногих, если не единственным кинооткликом на эту тему является созданная в период «оттепели» кинорежиссером Владимиром Скуйбиным трагическая лента «Жестокость» (1959), повествующая о запрограммированной аморальности большевистского ЧК.

«военного коммунизма» — Гражданской войне. Ее смыслом было уничтожение классов, социальных групп и сословий «старого» мира, что народом, не лишенным христианского самосознания, при всей жажде мщения за вековые тяготы, не могло не ощущаться как тяжкий грех. Выход религиозного покаяния — как для масс «низового» народа, так тем более и для «верхушки» — был невозможен. Но если бы оно было возможно, то каким образом могло бы быть осуществлено? И после чтения платоновского «Котлована», говоря словами Иосифа Бродского, следовало бы «отменить существующий миропорядок и объявить новое время» (Бродский, 2001: 72).

Говоря о ценностно-нормативных концептах российско-советского культурного опыта, следует признать *предуготовленность и пригодность «русской почвы»* для укоренения на ней советского. Так, прежде всего у Ф. М. Достоевского мы обнаруживаем ясно просматриваемые или угаданные художником и впоследствии воспроизведенные советской властью *темпоральные экзистенциальные смыслы*. Они сопутствуют каждому герою романов «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание» и «Бесы». Без них персонажи не имели бы глубоких, философски значимых характеров. Это, например, «рвущаяся к свету душа» Алеши; разрешаемая Раскольниковым «кровь по совести»; старчество — «берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю»; монашеская никаким грехом «не истощимая и бесконечная божья любовь»; реальная явленность Верховенским образа *будущего члена «всемирно-общечеловеческой социальной республики и гармонии»*; определение Петрушей людей как «бунтовщиков слабосильных, собственного бунта своего не выдерживающих» и им же отмечаемая потребность «общности преклонения» перед «силами чуда, тайны и авторитета».

Формулируя и раскрывая содержание изображаемых героев, Достоевский, несомненно, сознавал, что тем самым создает, «изъясняет» нам природу русского «подпольного человека, главного человека русской жизни», существенно отличающуюся от природы людей иных культур. Вместе с тем именно в ней он прозревал возможность реализации якобы имеющегося божеского предназначения русских «сказать свое слово миру», вывести его из трясины лжи, меркантилизма и потребительства. Последнее, как известно, ассоциировалось им с либерализмом, в трясины которого, по его мнению, все сильнее погружалась Европа и на котором пыталась созидать себя Америка.

Сознавал ли он, что экзистенциальные смыслы темпоральны, перебрасываются/скользят во времени, в частности, могут обрести новую

жизнь в советскую эпоху? Но отчего они начинают давать о себе знать именно в это время? Вероятно, оттого, что Россия в очередной раз совершила свой любимый поступок — «разрыв времен» и, как следствие, снова заново начинает искать свое предназначение в мире, пытается осознать глубинный смысл своего бытия. И еще важнее: Россия безоглядно преобразует себя практически в соответствии с некой схемой, в которой, как позднее становится ясно, даже сами ее творцы толком не разобрались. Броситься в пучину предложенного большевиками коренного переустройства мог только человек, глубоко уверовавший, в частности, что это именно то, чего жаждет его «рвущаяся к свету душа», его разум, допускающий моря «крови по совести», его воля, в соответствии с которой некто берет «вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю», и, наконец, что именно это и есть желанная «общность преклонения» перед «силами чуда, тайны и авторитета».

В итоге для значительной части общества, не имевшей шансов выжить в случае выделения из общей несознающей и нерассуждающей массы и тем более наличия позиции, оппонирующей власти, не оставалось иного, кроме страха и покорности. *Покорность была результатом страха, а страх — причиной покорности. Страх обещал самосохранение, поскольку был постоянным сигналом об опасностях мира, а покорность — пусть слабой, но все же возможностью (средством) выжить на русской почве, в исторической и советской реальности.*

РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО: РЕПРЕССИИ, ЧИСТКИ И ПАСПОРТИЗАЦИЯ

...Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!

В. Ленин, *Что делать?*

Устранение с исторической сцены человека «старого мира» главными большевиками в послеоктябрьское время и до начала 1930-х гг. означало выборочный террор, «мягкие» репрессии — отъем у «лишенцев» всех прав состояния, их «перевоспитание» в трудовых лагерях (начиная с еще при Ленине созданных «Соловков»), экономическое удушение индивидуального предпринимательства и выдворение с государственных должностей тех, кто служил царю. Позднее установка на превращение «старых людей» в «лишенцев» была преобразована в новую практику —

переквалификации «лишенцев» во «врагов народа» с соответствующими более суровыми мерами — прежде умеренный, террор сделался радикальным.

Все перечисленное — не сутубое изобретение Сталина. Его зачатки следует искать у вождя Октября. И даже, по жесткому определению В. Гроссмана, еще глубже — у симбирского гимназиста Володи Ульянова:

Ленинская нетерпимость, непоколебимое стремление к цели, презрение к свободе, жестокость по отношению к инакомыслящим и способность, не дрогнув, смести с лица земли не только крепости, но волости, уезды, губернии, оспорившие его ортодоксальную правоту, — все эти черты не возникли в Ленине после Октября. Эти черты были и у Володи Ульянова. У этих черт глубокие корни (Гроссман, 1970: 169–170).

Но одновременно с «расчисткой места» власти с начала 1930-х гг. потребовалось ясное представление о модели «нового человека». Он должен был закрыть «дыру», образовавшуюся после коммунистического «разрыва времен». Настоятельно требовалось оттолкнуться от добольшевистской человеческой природы, а для этого — ясно сформулировать цель созидательного конструирования. Ведомственно прорабатывал этот вопрос А. Луначарский, не уставала пропагандировать «нового человека» Н. Крупская. Небескорыстно обольшевичившийся «человечище» Максим Горький нутряно вещал: «новый строй политической жизни требует от нас и нового строя души» (Горький, 1991: 28). Однако технологичнее всех высказался И. Сталин, озабоченный реальной практикой формовки-переделки «старого человека». Уже в 1923 г. на XII съезде партии генеральный секретарь, в соответствии с нетленной рекомендацией своего кумира Ивана Грозного «людишек перебирать», поставил задачу «каждого работника изучать по косточкам» (Двенадцатый съезд РКП(б)..., 1968: 63).

Сталинский разбор и анализ проходил в конкретных исторических обстоятельствах. Так, в начале 1920-х гг. в мировоззрении части большевиков еще были сильны идеи Л. Троцкого о перманентной революции и демократизме в противоположность набиравшему силу партийному администрированию Сталина. Троцкий, как и Ленин, полагали, что от революции социалистической можно перейти к революции мировой. Этими идеям в разной мере были охвачены разные социальные слои, а интеллигенция — более всего. Так, поддерживавший в это время Сталина Н. Бухарин утверждал, что вузовские аудитории и студенческие

общежития — рассадник инакомыслия, подвержены «индивидуализму и умничанью».

Целям недопущения в большевистскую партию небольшевистских элементов по партийному и классовому признакам были посвящены *специальные «чистки»*, начатые еще при жизни Ленина. На них «чистящихся» склоняли к самооговорам и доносам, требовали покаяния и предательства сотоварищей, объясняя это целями и задачами ленинизма.

Для проведения «чистки» создавалась специальная комиссия, как правило, из рабочих какого-либо предприятия. Каждый «чистящийся» представлял в комиссию и на собрание подробную автобиографию и иные документы, которые тщательно проверялись. Одновременно рассматривались устные и письменные «сигналы-доносы». Кроме комиссии, в процедуре допускалось участие всех желающих. «Вычищенным», однако, предоставлялся спасительный шанс — написать клеветнический донос на своего товарища.

Наряду с публичными устными «чистками» большевики использовали и инструментарий письменного социологического анализа. В особенности *написание автобиографий* как способ сбора индивидуальных данных развернулось во время переписи 1926 г. «Большевики желали „выявить“ товарища, „выяснить его физиономию“, выполнить „коммунистическую герменевтику души“» (Халфин, 2023: 15–16).

Еще одним контрольно-созидательным механизмом в процессе «формирования нового советского человека» стала начатая в 1932 г. и в дальнейшем возобновляемая *паспортизация* населения СССР¹². Ее главной целью, наряду с тотальным индивидуальным контролем, было создание у индивида его образа, отвечающего модели «советского гражданина», идентификация себя с ним, моделируемым.

Надо отметить, что взгляды большевиков на паспортную проблему исторически менялись. Первоначальное отношение В. Ленина было отражено в 1903 г. в брошюре «К деревенской бедноте»:

Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: свобода передвижения? Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земской начальник не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно. [...] Разве это

¹²Популярное, но достаточно подробное изложение темы советской паспортизации можно найти в статье: Попов, 1996.

не надругательство над народом, когда всякий промотавшийся дворянчик командует взрослыми хозяевами-земледельцами? (Ленин, 1967: 169).

Но после прихода большевиков к власти отношение к паспортизации изменилась: были изобретены такие положения о переезде и въезде-выезде, которых не знал не только царизм, но и вся Европа.

Паспортизацию осуществляли «паспортные бригады», составленные из «мотивированных рабочих», которым обещали увеличение жилплощади, карьерный рост. Впрочем, многие работали ради чувства власти, возможности распоряжаться чужими судьбами. Поскольку объективных документов, как правило, не доставало, а представленные имели многие погрешности, члены бригад руководствовались субъективными признаками, слухами, «революционным чутьем».

К августу 1934 г. паспортизацию прошли более 27 млн человек, при том что еще до половины этого числа от паспортизации уклонились, дабы не попадать в поле зрения власти. Вторая и третья волна паспортизации (1933 и 1936 гг.) были нацелены на создание режима классовой однородности по всей стране и упрощены скоротечными решениями «троек».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДИАГНОСТИКА: ОТ ПЛАТОНОВСКИХ «ПРОЧИХ» К ЧЕЛОВЕКУ ЗАСТОЙНОЙ ЭПОХИ

Начавши борьбу за создание нового человека, советское общество несколько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина. За короткое время в селекции были достигнуты невиданные результаты, узнаваемо обозначился облик советского учителя, советского врача, советского партийного работника, но наибольшего успеха передовое общество добилось в выведении породы, пасущейся на ниве советского правосудия. Здесь чем более человек был скотиноподобен, чем более безмозгл, угрюм, беспощаден характером, тем он больше годился для справедливого карательного дела.

В. Астафьев, *Прокляты и убиты*

Тема укоренения в отечестве советского и создания «нового человека» параллельно с уничтожением человека «старого мира» нашла свое отражение в литературе первого ряда, от момента ее создания и цензурного запрета в силу ее антисоветского характера в СССР вплоть до перестройки. *Писатели первого ряда — Андрей Платонов, Василий*

Гроссман, Юрий Домбровский, Александр Солженицын, Варлам Шаламов и многие другие не просто отражали реальность, но вскрывали сущность большевизма. Разоблачающей тенью эта литература сопровождала реальность советского, ленинское «видоизменение обычного исторического порядка». Первыми в этом ряду были произведения Андрея Платонова.

Будущий автор «Чевенгура» видел голод 1921–1922 гг. и понимал, что трагедия вызвана не только (а возможно, и не столько) последствиями мировой войны, сколько проводимой большевистским вождем политикой «военного коммунизма» с ее практикой «учредить коммунизм». «Государство-коммуна» (В. Ленин) предполагало уничтожение рынка, денег, учреждение прямого продуктообмена между городом и деревней, превращение государства в тотального сборщика, регулятора и распределителя всего и вся. Кроме того, под эту фантастическую затею требовалось заставить зажиточное трудовое крестьянство авансом отдать государству имеющиеся у него продовольственные «излишки»¹³. Но богатый слой крестьянства большевикам не верил, за большевиками не шел. Скоро поняв сущность «власти советов», зажиточное среднее крестьянство выдвинуло лозунг «Советы без коммунистов!».

В течение 1920-х гг. Андрей Платонов отходит от юношеских прокоммунистических воззрений и становится «понимателем» и изобразителем критически осмысленной действительности. Но делать это он мог лишь с осторожностью. В письме жене от 26 января 1927 г. из глухого Тамбова он писал: «Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать» (Платонов, 2019: 199).

Все основные герои Андрея Платонова — выразители коммунистических идей, включенные в одну сверхзадачу: проверить возможность осуществления в реальности программных установок коммунистов. Так, например, сверхидея Вощева («Котлован») — через поиск общего смысла жизни отыскать «счастье коллективного бытия в соответствии с планом общей жизни». Сверхидея Чепурного, Саши Дванова и чевенгурских большевиков — посредством уничтожения рождающего эксплуатацию обычного труда при помощи «пролетария Солнца» создать возможность

¹³Впервые организовать принудительное изъятие хлеба для воюющей армии пыталось еще Временное правительство. Однако у него не хватило политической воли и вооруженных сил для осуществления этой операции.

для коллективной творческой квазидеятельности. Сверхидея киллера революции Степана Копенкина — через уничтожение буржуазии и буржуазного во всемирном масштабе воплотить в жизнь лозунг «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Но все сверхидеи гибнут, и неотвеченным у автора остается вопрос о причинах.

Однако попутно Платонов обнаруживает в действительности главный строительный материал коммунизма, во многом порожденный трагедией коллективизации и рукотворным голодом 1931–1932 гг. Это — «прочие», не менее загадочный художественный тип, чем его «сторож — евнух души». «Прочие» — это близкие к пролетариату и нищим, но все же отличающиеся от них социальные типы.

Термин «прочие» — из политики и бюрократического лексикона, а также из особой платоновской художественной философии. В реальности он применялся при обозначении социального состава того или иного общественного мероприятия. Так, в протоколе съезда его состав представлялся так: участники съезда — «рабочие» (указывалось количество), «крестьяне», «интеллигенция» — столько-то, а далее шли «прочие». В последнюю категорию попадали все, кто не вписывался в первые группы, в том числе те, о чьем происхождении не было известно или не сообщалось. Вот эти *порожденные властью неизвестные и становятся главной основой будущего советского «нового человека»*. (Вспомним идею Сталина о людях без имени.)

«Политичность» текстов автора «Чевенгура» обосновывается тем очевидным и неоспоримым допущением, что *как философски и социально мыслящий писатель Андрей Платонов не мог не знать о российских идеологических, политических и экономических реалиях после Октября, в особенности конца 1920-х гг., когда создавался роман. Это тем более верно потому, что эти реалии не ограничивались отдельными временными и событийными рамками, а, возникнув, существовали как мощные, поддерживаемые властью общественные тренды.*

Идея расчистки места, как я отмечал, была хорошо известна в России. Но в связи с текстом Платонова вспомним, как чевенгурцы встречают и расчищают/очищают до нитки — равняют с собой приехавшего к ним в командировку Сербинова, чиновника из Москвы. И для более точного наименования революционного действия «разрыва времен» в форме «расчистки», которая никогда не бывает на пустом месте, я предлагаю более универсальный термин — *разоборудования*. Так,

в Чевенгуре Сербинова сейчас же обступили прочие, их кровно заинтересовал неизвестный, полностью одетый человек. Они смотрели и любовались Сербиновым, будто им подарили автомобиль и их ждет удовольствие. Кирей извлек из кармана Сербинова самопишущую ручку и тут же оторвал у нее головку, чтобы вышел мундштук для Гопнера. Кравчук же подарил Кирею сербиновские очки.

— Будешь видеть дальше — больше, — сказал он Кирею.

— Зря я его сак и вояж откинул прочь, — огорчился Копенкин. — Лучше б из него мне было сделать Саше большевицкий картуз... Или нет — пускай валяется, я Саше свой подарю.

Ботинки Сербинова пошли на ноги Якова Титыча, тот нуждался в легкой обуви, чтобы ходить по горнице, а пальто чевенгурцы пустили на пошивку Пашинцеву штанов, который с самого ревзаповедника жил без них. Вскоре Сербинов сел на стул, стоявший на улице, в одной жилетке и босой. Пиюся догадался принести ему две печеные картошки, а прочие начали молча доставлять, кто что хотел: кто полушубок, кто валенки, Кирей же дал Сербинову мешок с настольной утварью (Платонов, 2011: 376–377).

Примечателен итог «разоборудования» — отношение к революционному процессу самого Сербинова, несомненно, большевика:

Сербинов взял и утварь. Позднее он отыскал в засыхающем травостое портфель и револьвер; из портфеля он вынул бумажную начинку, а самую кожу бросил. Среди бумаг хранилась его книга учета людей, которых он хотел иметь собственностью; эту книгу Симон жалел потерять, и вечером он сидел в полушубке и валенках — среди тишины утомившегося города — перед раскрытой книгой (там же: 377).

В том, что Сербинов не видит для себя ущерба от «разоборудования», сохранив единственную вещь — книгу учета (что важно, поскольку «социализм есть учет и контроль», как оговорил Ленин), — заключено свидетельство обыденности этого процесса для коммунистической практики «разрыва времен» и последующего обобществления оставшегося.

Ведущую роль в процессе «разоборудования» играют «прочие». Они — коллективный субъект, родственный пролетариату, но в сравнении с пролетариатом, который продает свой труд и за это получает минимум для поддержания существования, «прочие» даже этого не имеют. Они — «пролетариат в квадрате». «Прочие», как известно,

создали из себя самодельных людей *неизвестного назначения* (здесь и далее выделено мной. — С. Н.); причем такое упражнение в терпении и во внутренних средствах тела сотворили в прочих ум, полный любопытства и сомнения,

быстрое чувство, способное променять вечное блаженство на однородного товарища, потому что этот товарищ тоже не имел ни отца, ни имущества, но мог заставить забыть про то и другое, — и еще несли в себе прочие надежду, уверенную и удачную, но грустную, как утрата. Эта надежда имела свою точность в том, что если главное — сделаться живым и целым — удалось, то *удастся все остальное и любое, хотя бы потребовалось довести весь мир до его последней могилы* (Платонов, 2011: 286).

«Прочие» — первооснова «нового человека», который, конечно, впоследствии видоизменялся, но своей изначальной природе — *способности и готовности быть всем, оставаясь человеком без имени*, — никогда не изменял.

Далее на бытии наследников/продолжателей «прочих» следует остановиться в позднейших произведениях отечественных авторов. Так, в известном романе Л. Леонова «Вор» показана судьба превращения в «прочих» бывшего красного командира и его боевого товарища в период НЭПа. «Вор» — новое название тех, кто готов превратиться в кого угодно, сообразуясь с хаотично меняющимися обстоятельствами. Воры — самоназначенные «прочие», между которыми, кроме большого сходства, существует и органическая связь: многие из «прочих» нередко становятся не «новыми людьми», пестуемыми и воспеваемыми властью, а настоящими ворами. С подобной идеей о новом человеке — продолжении «прочих» — выступает в 1920-е гг. И. Эренбург в романе «Рвач» — об истории тоже «прочего», участника Гражданской войны.

В двух наиболее известных текстах М. Булгакова проблема «прочих» подается как способ основания нового советского мира. В повести «Собачье сердце» она рассмотрена в процессе появления и исчезновения Шарикова в сатирическом изображении реалий послеоктябрьского строя. Примечательно, что профессия героя — должность в подотделе очистки — вполне согласуется с развернувшимся в столице реальным большевистским процессом «чисток».

Более серьезную задачу ставит перед собой Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». В нем делается попытка исследовать советское как инобытие *худших сторон человеческой природы — покорности и страха, внешне проявляющихся в трусости*. В романе два повествования: о грехе трусости — предательстве Понтия Пилата и гонениях на Мастера. Однако оба поданы лишь в контексте жизни узкого общественного слоя людей размышляющих: в СССР — интеллигенции, в римской провинции — высшей управленческой бюрократии. С другими советскими наследни-

ками «прочих» — будь то «гослит-братия» (члены МАССОЛИТа) или бюрократия учреждений советской культуры (Степа Лиходеев и компания), — все просто. Ничтожество «новых советских людей», готовых с одинаковым рвением исполнять «культурные» функции или руководить пунктом заготовки грибов, одинаково удовлетворяясь вполне свинскими утехами (пьянством и развратом), в подробном анализе не нуждается.

Наступивший после хрущевской «оттепели» брежневский «застой» снова вывел потомков «прочих», а значит, и их предков на авансцену истории. Этому способствовало и сходное с «жестким» сталинским «мягкое» позднесоветское время. В 1970-е гг. следовательно говорит молодому художнику:

— Мне неинтересно бить тебе морду. Мне интересно, чтобы ты ходил и ро-
нял говно.

Он знал, что говорил. Следователи частенько блефуют, но этот знал. У него и точно имелся выбор будущего (для подследственного) — в пределах его личного решения в будущее уходили, ветвясь, накатанные дорожки, три или четыре, одна из них, кривая, как раз к белым халатам. (К лечению от инакомыслия — к полноправному вторжению врачей в твое «я».) (Маканин, 1999: 84)

В прозе В. Маканина время «прочих» оттеняется важными для автора персонажами — «коридорного жителя» и «гражданина убегающего» — героев, пытавшихся избежать участия в жизни советского (Никольский, 2025).

В. Маканин и Ю. Трифонов — наиболее яркие представители так называемой городской прозы с ее вниманием к советскому, якобы в своей сущности изменившемуся в сторону гуманизма, но, главное, с прозрением все того же основного принципа существования «быть никакими», который принесли с собой в мир несколько десятилетий назад платоновские «прочие». Главный герой повести «Дом на набережной» Ю. Трифопова Вадим Глебов — вполне преуспевающий советский гражданин, доктор наук. В океане «отстойно-застойного» времени он не тонет, а плавает на поверхности, предусмотрительно не ныряя глубоко, дабы не наткнуться на нежелаемое, в том числе на продолжающие двигаться под водой трупы¹⁴, не поранить себя воспоминаниями, да

¹⁴Этот страшный образ приводит В. Астафьев, говоря о форсировании Днепра под немецким обстрелом: тела погибших и утонувших воинов некоторое время движутся, «ходят» по дну.

и, в конце концов, не утонуть. Он строит карьеру и жизнь так, чтобы *жить при любых обстоятельствах, всегда будучи со всем согласным (не важно — явно или притворно) и всему покорным*. И это становится основной формой выживания в СССР 1970-х гг.

Несколько ранее, но и параллельно с городской прозой в это же время в СССР набирает силу «деревенская проза». Ее лучшие представители — Ф. Абрамов, В. Астафьев, ранний В. Белов, Б. Можаев, А. Приставкин, В. Распутин и многие другие — в гуманитарную историю страны вошли прежде всего потому, что создали правдивые картины трагедии коллективизации советской деревни. Но были среди них и те, кто задумывался о более масштабных исторических вопросах. Например, Василий Шукшин, заговоривший с современниками не только посредством своего анализа «чудиков» и их антиподов «придурков», но и обратившийся с кардинальным вопросом о свободе русского землепашца. Его роман «Я пришел дать вам волю» — о несостоявшемся в истории свободном выборе человека на русской земле. Шукшин был захвачен иллюзией возможной самостоятельности жизни крестьянина вне и помимо бюрократического государства.

Конечно, эта шукшинская тема непосредственно не вписывается в проблематику становящегося нового советского человека. Разве — косвенно, побочным ростком. Но у него есть и прямые выходы на тему «новых людей», их воспитания в обществе и связи с «прочими» — готовыми ко всему. Так, он вспоминал об отношении к нему, восьмилетнему пацану, чьего отца как кулака, якобы готовившего свержение советской власти, вместе с еще несколькими крестьянами на всякий случай расстреляли в 1937 г.: «Бывало, выйдешь к колодцу, тебе кричит вся деревня: „У-у, вражонок!“ Ни сочувствия, ни милосердия от земляков-сельчан» (цит. по: Варламов, 2015: 128–129).

В рассказах Шукшина нетрудно найти наследников «прочих». Это шукшинские «чудики», сохраняющие с ними родство и сходство привычкой быть кем скажут, скудным знанием или полным незнанием реальной истории жизни своих предков-крестьян, обладающие невеликими знаниями и культурой. Так, в рассказе «Внутреннее содержание» деревенский парень, безнадежно пытающийся затеять знакомство с приехавшей на время городской девушкой, после неудачи размышляет: «Шляпу, что ли, купить, ядрена мать!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СОВЕТСКОЕ: ПОХОРОНЫ ИЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

А мне ни мертвых не вернуть назад,
И ни живого вычеркнуть из списков!

Ю. О. Домбровский, *Утильсырье*

В представленном тексте история становления, бытия и ряд черт феномена «советское» рассматриваются лишь на примере СССР. Однако в реальности советское должно изучаться шире, поскольку получило распространение в Восточной Европе после Второй мировой войны и позднее в ряде стран по всему миру. В обоих случаях оно имело свои особенности.

Советское, повторюсь, — это не просто период, а *процесс и состояние человека и общества*, рожденное синтезом древних российских констант общественного сознания и бытия и утопического проекта, реализованного большевиками посредством наукообразных фантазий, политического обмана и тотального насилия. Его наследие — не только в институтах, но и в антропологическом типе готового ко всему «человека без имени» (И. Сталин), а в дальнейшем «простого советского человека» (Ю. Левада).

И наконец, главное: возможно ли преодоление советского негативного?

Первый шаг — его фундаментальное осмысление и попытка диагноза. При этом, конечно, вопрос о «лекарстве» пока остается открытым и требует дальнейших исследований, которые связаны, в частности, с разработкой высоко содержательной, но опороченной в реальном советском идеи Маркса «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс и Энгельс, 1955: 447).

ЛИТЕРАТУРА

- Аврелий Августин*. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко. — М. : Даръ, 2005.
- Бибихин В. В.* Собственность. Философия своего / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2012. — (Слово о сущем ; 100).
- Бродский И.* Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Сочинения Иосифа Бродского. В 7 т. Т. 7. — СПб. : Пушкинский фонд, 2001. — С. 72–74.
- Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. — М. : РОССПЭН, 2012.
- Вада Х.* Карл Маркс и революционная Россия / Гефтер. — 2018. — URL: <https://gefter.ru/archive/24390> (дата обр. 5 июня 2026).
- Варламов А. Н.* Шукшин. — М. : Молодая гвардия, 2015.

- Горький М.* Несвоевременные мысли : заметки о революции и культуре. — М. : Современник, 1991.
- Гроссман В. С.* Все течет. — Франкфурт-на-Майне : Посев, 1970.
- Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. — Политиздат, 1968.
- Довлатов С. Д.* Зона: записки надзирателя // Зона: записки надзирателя; Компромисс; Заповедник. — М. : Пик, 1991. — С. 5–130.
- Зиновьев А. А.* Гомо советикус. — Лозанна : L'Age d'Homme, 1982.
- Ленин В. И.* К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 7. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. — С. 129–203.
- Ленин В. И.* О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 45. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970. — С. 378–382.
- Логинов В. Т.* Заветы Ильича. «Сим победиши». — М. : Алгоритм, 2017.
- Маканин В. С.* Андерграунд, или Герой нашего времени. — М. : Вагриус, 1999.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. : пер. с нем. // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 42 : пер. с нем. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1974. — С. 41–174.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии : пер. с нем. // Собрание сочинений. В 50 т. : пер. с нем. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 419–459.
- Никольский С. А.* Российская философия истории : опыт понимания // Философский журнал. — 2018. — Т. 11, № 4. — С. 115–128.
- Никольский С. А.* Советское. Идея и практика. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2023.
- Никольский С. А.* Советское. Философско-литературный анализ. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2024.
- Никольский С. А.* Советское. Новый человек. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2025.
- Никольский С. А., Фильмонов В. П.* Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. — М. : Прогресс-Традиция, 2008.
- Ойзерман Т. И.* Избранные труды. В 5 т. Т. 2. Марксизм и утопизм. — М. : Наука, 2014.
- Павловский Г. О., Gefter М. Я.* 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах / под ред. В. Быковой. — М. : Европа, 2017.
- Платонов А. П.* Чевенгур // Чевенгур: роман; Котлован: повесть / под ред. Н. М. Малыгиной. — М. : Время, 2011. — С. 9–410.
- Платонов А. П.* «...Я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.) — М. : Астрель, 2019.

- Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. — 1996. — № 6. — С. 185–203.
- Постановление ГД ФС РФ от 02.04.2008 № 262–5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР“» / Банк данных «Нормативно-правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации». — 2008. — URL: <https://duma.consultant.ru/page.aspx?955838> (дата обр. 5 июня 2026).
- Толстой Л. Н. Рубка леса // Собрание сочинений. В 22 т. Т. 2. — М. : Художественная литература, 1979. — С. 51–86.
- Халфин И. Автобиография большевизма. Между спасением и падением. — М. : Новое литературное обозрение, 2023.
- Энгельс Ф. Энгельс — В. И. Засулич в Женеву. Лондон. 23 апреля 1885 г. : пер. с нем. // Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями : пер. с нем. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Издательство политической литературы, 1951. — С. 308–314.
- Энгельс Ф. Эмигрантская литература. V. О социальном вопросе в России : пер. с нем. // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 18 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. — С. 545–546.
- Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» : пер. с нем. // Собрание сочинений. В 50 т. Т. 22 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. — С. 438–453.

Nickolsky, S. A. 2026. "Sovet-skoye i sovet-skiy chelovek. Prolegomeny k ponimaniyu [The Soviet and the Soviet Man. Prolegomena to Understanding]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (3), 343–375.

SERGEY NICKOLSKY
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
CHIEF RESEARCH FELLOW
PHILOSOPHY OF CULTURE SECTOR
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2202-2043

THE SOVIET AND THE SOVIET MAN. PROLEGOMENA TO UNDERSTANDING

Abstract: The phenomena of the “Soviet” and the “new Soviet man” are not a historical accident or an exceptional product of Marxist doctrine. Their unique existence in the USSR requires going beyond the narrow chronological framework of 1917–1991. The article argues that the Soviet system could have arisen and did arise on the specific soil of Russia, became a natural embodiment of the deep, centuries-old constants of Russian historical development (imperialism, autocracy, fusion of power and property, servility of the institution of the church and the fundamental obedience of the people), transformed under the slogans of the modern-

ization breakthrough. Throughout its history, the Soviet system has consistently and purposefully cultivated submission as an active ideological willingness or a consensual, forced practical reaction of a Russian or Soviet person, seeking to make it his fundamental positive property—the willingness to be guided in everything by an imperious will. The assessment of Soviet society and the “new Soviet man” from the point of view of critics of Stalinism in no way can be explained as “historical necessity” or “universally valid justice”.

Keywords: Soviet, New Soviet Man, Society, Stalinism, Party, Political Police, “Lishnets”, “Enemy of the People”, “Purge”, Certification, Historiosophy, History, Philosophy, Literature.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-343-375.

REFERENCES

- Augustinus. 2005. *Ispoved' [Confessiones]* [in Russian]. Trans. from the Latin by M. Ye. Sergeyenko. Moskva [Moscow]: Dar".
- Bibikhin, V. V. 2012. *Sobstvennost'. Filosofiya svoyego [Ownership. Philosophy of the Own]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Brodskiy, I. 2001. “Poslesloviye k ‘Kotlovanu’ A. Platonova [Afterword to Platonov’s ‘The Foundation Pit’]” [in Russian]. In vol. 7 of *Sochineniya Iosifa Brodskogo [Works of Joseph Brodsky]*, 72–74. 7 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy fond.
- Buldakov, V. P. 2012. *Utopiya, agressiya, vlast'. Psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg. [Utopia, Aggression, Power. Psychosocial Dynamics of Post-Revolutionary Time. Russia, 1920– 1930]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Dovlatov, S. D. 1991. “Zona: zapiski nadziratelya [The Zone: A Prison Guard’s Notes]” [in Russian]. In *Zona: zapiski nadziratelya; Kompromiss; Zapovednik [The Zone: A Prison Guard’s Notes; The Compromise; The Reserve]*, 5–130. Moskva [Moscow]: Pik.
- Dvenadsatyy s'yezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 g. *Stenograficheskiy otchet [The Twelfth Congress of the RCP(b). April 17–25, 1923. Verbatim Report]* [in Russian]. 1968. Politizdat.
- Engels, F. 1961. “Emigrant-skaya literatura. v. O sotsial'nom voprose v Rossii [Soziales aus Russland]” [in Russian]. In vol. 18 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, 545–546. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- . 1962. “Poslesloviye k rabote ‘O sotsial'nom voprose v Rossii’ [Nachwort zur Arbeit ‘Über die soziale Frage in Russland’]” [in Russian]. In vol. 22 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, 438–453. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- . “Engel's — V. I. Zasulich v Zhenevu. London. 23 aprelya 1885 g. [Engels to Vera Zasulich in Geneva. London. April 23, 1885]” [in Russian], 308–314.
- Gor'kiy, M. 1991. *Nesvoyevremennyye mysli [Untimely Thoughts]: zametki o revolyutsii i kul'ture [Notes on Revolution and Culture]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Sovremennik.
- Grossman, V. S. 1970. *Vse techet [Everything Flows]* [in Russian]. Frankfurt-na-Mayne [Frankfurt am Main]: Posev.
- Khalfin, I. 2023. *Avtobiografiya bol'shevizma. Mezhdru spaseniyem i padeniyem [The Autobiography of Bolshevism. Between Salvation and Fall]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

- Lenin, V. I. 1967. "K derevenskoy bednote. Ob"yasneniye dlya krest'yan, chego khotyat sotsial-demokraty [To the Rural Poor. An Explanation for the Peasants of What the Social-Democrats Want]" [in Russian]. In vol. 7 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, 129–203. 55 vols. Moskva [Moscow]: Izd-vo polit. lit-ry.
- . 1970. "O nashey revolyutsii (Po povodu zapisok N. Sukhanova) [On Our Revolution (Apropos of N. Sukhanov's Notes)]" [in Russian]. In vol. 45 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, 378–382. 55 vols. Moskva [Moscow]: Izd-vo polit. lit-ry.
- Loginov, V. T. 2017. *Zavety Il'icha. "Sim pobedishi" [The Precepts of Ilyich. "With This You Shall Conquer!"]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Algoritm.
- Makanin, V. S. 1999. *Andergraund, ili Geroy nashego vremeni [Underground, or a Hero of Our Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Vagrius.
- Marks, K., and F. Engel's. 1955. "Manifest kommunisticheskoy partii [Manifest der Kommunistischen Partei]" [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, 419–459. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Marx, K. 1974. "Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g. [Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844]" [in Russian]. In vol. 42 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, by K. Marks and F. Engel's, 41–174. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gos. izd-vo polit. lit-ry.
- Nikol'skiy, S. A. 2018. "Rossiyskaya filosofiya istorii [Russian Philosophy of History]: opyt ponimaniya [An Attempt at Understanding]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 11 (4): 115–128.
- . 2023. *Sovet-skoye. Ideya i praktika [Soviet. Idea and Practice]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].
- . 2024. *Sovet-skoye. Filosofsko-literaturnyy analiz [Soviet. Philosophical and Literary Analysis]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].
- . 2025. *Sovet-skoye. Novyy chelovek [Soviet. New Man]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].
- Nikol'skiy, S. A., and V. P. Filimonov. 2008. *Russkoye mirovozzreniye. Smysly i tsennosti rossiyskoy zhizni v otechestvennoy literature i filosofii XVIII – serediny XIX stoletiya [The Russian Worldview. The Meanings and Values of Russian Life in Russian Literature and Philosophy of XVIII – Middle XIX Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Progress-Traditsiya.
- Oyzerman, T. I. 2014. *Marksizm i utopizm [Marxism and Utopianism]* [in Russian]. Vol. 2 of *Izbrannyye trudy [Selected Works]*. 5 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Pavlovskiy, G. O., and M. Ya. Geffer. 2017. *1917: neostanovlennaya revolyutsiya. Sto let v sta fragmentakh [1917: The Unstoppable Revolution. Hundred Years in a Hundred Fragments]* [in Russian]. Ed. by V. Bykova. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Platonov, A. P. 2011. "Chevengur" [in Russian]. In *Chevengur: roman; Kotlovan: povest' [Chevengur: Novel; Pit: Novella]*, ed. by N. M. Malygina, 9–410. Moskva [Moscow]: Vremya.
- . 2019. "...Ya prozhil zhizn". *Pis'ma (1920–1950 gg.) ["...I Have Lived My Life." Letters (1920–1950)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Astrel'.
- Popov, V. 1996. "Pasportnaya sistema sovet-skogo krepostnichestva [The Passport System of Soviet Serfdom]" [in Russian]. *Novyy mir [New World]*, no. 6, 185–203.

- "Postanovleniye GD FS RF ot 02.04.2008 № 262–5 GD 'O zayavlenii Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii "Pamyati zhertv goloda 30-kh godov na territorii SSSR'" [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 262–5 GD dated 02.04.2008 'On the Statement of the State Duma "In Memory of the Famine Victims of the 1930s in the Territory of the USSR"']" [in Russian]. 2008. Bank dannykh "Normativno-pravovyye akty Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii" [Legal Acts Database of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Accessed June 5, 2026. <https://duma.consultant.ru/page.aspx?955838>.
- Tolstoy, L. N. 1979. "Rubka lesa [The Wood-Felling]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], 51–86. 22 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Varlamov, A. N. 2015. *Shukshin* [Shukshin] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya [NODATA].
- Wada, H. 2018. "Karl Marks i revolyutsionnaya Rossiya [Karl Marx and Revolutionary Russia]" [in Russian]. Geffer. Accessed June 5, 2026. <https://geffer.ru/archive/24390>.
- Zinov'yev, A. A. 1982. *Gomo sovetikus* [Homo Sovieticus] [in Russian]. Lozanna: L'Age d'Homme.